

МОЛОДОСТЬ

КОТНА-7

REBIRTH

KLOTNO

PROMETHEUS

Татяна Осипова

Татьяна Осипова

Молодость

<https://litres.ru/73997701>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один укол против старения. Одна научная сенсация, изменившая мир. Профессор Майкл Берштейн подарил человечеству ключ к вечной юности, но не учел, что природа не прощает ошибок. Когда границы между «до» и «после» стираются, семья Берштейнов оказывается заперта в мире, где идеальные лица скрывают абсолютную пустоту. История о том, почему жизнь без боли — это цена, которую никто не должен платить.

Содержание

1	5
2	7
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татьяна Осипова

Молодость

Молодость

1

Профессор Майкл Берштейн впервые увидел «ген Прометей» в марте, под микроскопом, который стоил больше, чем его дом в Бостоне. Был третий час ночи, за окнами лаборатории выл ветер, и Майкл уже двадцать часов не спал. Его пальцы — длинные, с аккуратно подстриженными ногтями, привыкшие к точности пинцетов и микропипеток — дрожали от передозировки кофеина. Но когда на экране выстроилась та самая последовательность, дрожь прекратилась. Он замер.

Это была крошечная мутация в локусе КЛОТО-7 — участке, который никто до него не замечал. Ошибка природы, счастливый сбой, который встретился всего у одной сотой процента мышей в экспериментальной группе. Организм мыши-носителя старел в три раза медленнее, сохраняя мышечный тонус, остроту ума и блеск шерсти до самой смерти, которая наступала внезапно — чисто, без болезней, без агонии, как выключение света.

Майкл откинулся на спинку стула. Кожаное кресло скрипнуло — он выучил этот звук наизусть, как знал запах лаборатории: озон от работающих приборов, спирт, стерильность, и под всем этим — сладковатый запах его собственного пота. Он провёл ладонью по лицу. Пальцы нащупали морщины у глаз — те самые, которые Берта называла «гусиными лап-

ками» и целовала каждое утро. Ему было шестьдесят девять. Он чувствовал каждую цифру в позвоночнике по утрам.

— Боже мой, — прошептал он одними губами.

Звук собственного голоса показался чужим.

Он не позвонил Берте в тот час — побоялся разбудить.

Вместо этого он сидел и смотрел на экран, пока не рассвело. Окна лаборатории выходили на восток, и Майкл видел, как серое небо сначала розовеет у горизонта, потом наливается золотом, потом становится голубым. Он думал о том, как Берта сейчас на кухне — босиком, в его старой рубашке, которая стала ей халатом, — варит кофе. Как она щурится на свет, потому что забыла надеть очки. Как её пальцы — чуть скрюченные артритом — с трудом открывают банку с корицей.

«Я вылечу тебя, — подумал Майкл. — Я вылечу всех».

2

Берта Берштейн в пятьдесят восемь лет знала о своём теле всё. И большая часть этого знания была грустной.

Она вставала каждое утро в шесть, шла в ванную, вставала на весы и смотрела в зеркало. Только не в то большое зеркало в полный рост — то она убрала три года назад, когда заметила, как обвисла кожа на внутренней стороне бёдер. Она смотрелась в маленькое, над раковиной, только на лицо. Но и там было от чего прийти в уныние.

Морщины. Сетка морщин вокруг глаз, глубокая носогубная складка, которая делала её выражение вечно недовольным, хотя внутри Берта была самым жизнерадостным человеком из всех, кого знали её друзья. Пигментные пятна на скулах, которые тональный крем маскировал всё хуже. Веки, которые начали нависать, делая взгляд тяжёлым, почти сердитым.

Она красила волосы раз в три недели, потому что седина лезла неумолимо. Раньше её волосы были цвета каштанового мёда — Майкл говорил, что они пахнут летом. Теперь же, если не красить, они становились стальными, с проседью, и от этого Берта чувствовала себя старше, чем есть. Тело противостояло душе, которая проигрывала молодости, жившей внутри.

Она помнила своё тело в двадцать пять. Узкая талия, которую можно было обхватить двумя ладонями Майкла. Твёрдая грудь, которой не нужен бюстгальтер. Гладкая кожа на животе, куда Майкл любил целовать её между пупком и лобком.

Теперь, стоя перед маленьким зеркалом, Берта не могла смотреть на своё тело. Она обходила стороной большие зеркала. Она не ходила в бассейн. Она перестала покупать платья — только джинсы с высокой посадкой и свободные блузы, которые скрывали всё, что можно скрыть.

В тот самый мартовский день, когда Майкл сделал открытие, Берта стояла у плиты. Она готовила его любимый суп — тыквенный крем с имбирём и сливками. Пальцы болели. Она помешивала суп деревянной ложкой и думала о том, что, возможно, это в последний раз, когда она готовит для мужа с удовольствием. Не потому, что она переставала его любить. А потому, что каждое движение давалось ей чуть труднее, чем вчера.

В семь утра хлопнула входная дверь. Берта вздрогнула и чуть не уронила ложку. Она услышала шаги Майкла в прихожей — тяжёлые, быстрые, не такие, как обычно. Обычно он входил усталый, скидывал пальто, долго возился с шарфом. Сегодня он бежал.

— Берта! — крикнул он из коридора.

Она выключила газ и повернулась.

Майкл влетел на кухню. Он выглядел ужасно: синяки под

глазами, небритая щетина, свитер наизнанку. Он не спал всю ночь, в его глазах горел такой огонь, какого Берта не видела лет двадцать — со времён защиты его докторской.

— Что случилось? — спросила она, вытирая руки о фартук.

Она машинально одёрнула его — старый, в пятнах от томата, и Берта почувствовала привычную волну стыда за свой неряшливый домашний вид. Майкл всегда говорил, что она красивая даже в этом, но Берта не верила.

— Я нашёл его, — сказал Майкл. — Ген. Тот самый. Понимаешь? Я нашёл его.

Он подошёл к ней и взял её лицо в ладони. Пальцы у него были холодными — он забыл перчатки. Берта почувствовала холод на щеках и вздрогнула. Но больше всего она чувствовала его пальцы — их длину, их знакомую форму. Он провёл большими пальцами по её скулам, потом по губам.

— Я сделаю тебя молодой, — прошептал он. — Ты снова будешь двадцатипятилетней.

Берта закрыла глаза. Она хотела ему верить. Она так хотела ему верить.

— А ты? — спросила она шёпотом.

— И себя тоже, — сказал Майкл. — Мы будем молодыми вместе. Мы начнём сначала.

Она почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Тёплая, солёная. Майкл слизнул её губами.

— Не плачь, — сказал он.

— Я от счастья, — ответила Берта.

Она не сказала ему, что на самом деле плакала от страха.

3

Их сын, Роберт, которого все — кроме матери — называли Бобби, узнал об открытии отца через три дня. И не от самого отца — от телевизора.

Он учился на четвёртом курсе биоэтики в Калифорнийском университете. Бобби был высоким — под метр девяносто, худым, с длинными руками, которые он вечно не знал куда деть, когда стоял перед аудиторией. Его лицо женщины находили «интересным», а не красивым: крупный нос, широкие скулы, светло-карие глаза под тяжёлыми веками. От отца ему достались пальцы — длинные, тонкие, чувствительные. От матери — привычка кусать губу, когда волнуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.